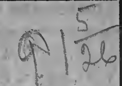
Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

А. ІОФФЕ (В. КРЫМСКІЙ).

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА
СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Съ предисловіемъ Фр. Меринга.

Цена 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета
Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА—1918.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„КОММУНИСТЪ“.

Центральнаго Комитета Россійской Коммунистической партіи.

		ЦѢНА:
1.	Н. Ленинъ. Государство и революція	2 р. 50 к.
2.	Его же. Новыя данныя о развитіи капитализма въ земледѣліи	2 » — »
3.	Его же. Изъ исторіи аграрной программы Р. С.-Д. Р. партіи	1 » 75 »
4.	Его же. Аграрный вопросъ въ Россіи въ концѣ XIX вѣка	1 » 75 »
5.	Его же. Карлъ Марксъ	— » 40 »
6.	Ю. Каменевъ. Борьба за миръ	2 » — »
7.	Н. Бухаринъ. Програма коммунистовъ	— » 50 »
8.	Его же. Долой международныхъ разбойниковъ	— » 30 »
9.	Л. Троцкій. Слово къ русскимъ рабочимъ и крестьянамъ	— » 60 »
10.	Его же. Трудъ, дисциплина и порядокъ	— » 50 »
11.	Его же. На борьбу съ голодомъ	— » 75 »
12.	Н. Лукинъ. Церковь и государство	— » 50 »
13.	А. Богдановъ. Инженеръ Мэнни	3 » 50 »
14.	А. Богдановъ. Между человѣкомъ и машиной	— » 35 »
15.	И. Степановъ. Отъ рабочаго контроля къ рабочему управленію	2 » — »
16.	В. Мещеряковъ. Націонализація и соціализація земли	2 » — »
17.	Ю. Стекловъ. Карлъ Марксъ	3 » 50 »
18.	М. Павловичъ. Милитаризмъ и маринизмъ	2 » 65 »
19.	Его же. Французскій имперіализмъ	2 » — »
20.	Н. Крупская. Народное образованіе и демократія	3 » — »
21.	Ад. Поппъ. Исторія одной работницы	2 » 75 »

Въ книжномъ складѣ „КОММУНИСТЪ“ имѣются всѣ изданія издательствъ:

„Прибоя“, „Волны“, Изд-ва Всеросс. Ц. И. К., Изд-ва Петроградскаго Совдепа и „Жизни и Знаніе“.

Складъ ставитъ своей главной задачей снабженіе широкихъ круговъ рабочихъ и крестьянскихъ массъ марксистской литературой.

ПРИ СКЛАДѢ ИМѢЕТСЯ БИБЛІОТЕЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

АДРЕСА:

МОСКВА, Театральная пл., „Метрополь“,
ПЕТРОГРАДЪ, Литейный, 48

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“

А. ІОФФЕ (В. КРЫМСКІЙ).

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Съ предисловіемъ Фр. Меринга.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета
Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА—1918.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
Библиотека Российского Исторического

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

Съ большой радостью выполняю я обращенное ко мнѣ пожеланіе написать для нѣмецкаго читателя предисловіе къ нѣмецкому переводу одного русскаго доклада, авторомъ котораго является одинъ изъ выдающихся представителей Совѣтской власти. Я возлагаю большія надежды на пропагандистское вліяніе этихъ ясныхъ идей среди нѣмецкихъ рабочихъ; имъ откроется полное пониманіе всемірно-историческаго характера освободительной войны за международный пролетаріатъ, которую ведутъ русскіе рабочіе и крестьяне, солдаты и матросы.

Здѣсь не мѣсто растравлять старыя раны и изслѣдовать, грѣшила ли, и чѣмъ именно, германская соціалъ-демократія противъ русской революціи. Надо сказать только, что съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкія рабочія массы начинаютъ понимать все значеніе русской революціи для ихъ собственныхъ интересовъ,—такъ, называемые вожди ихъ начинаютъ пѣть по-иному, и дальше холоднаго, чисто словеснаго признанія не идутъ.

Достаточно указать на то, что великій теоретикъ завчерашняго дня Карлъ Каутскій только-что объявилъ въ оффиціальномъ органѣ независимой соціалъ-демократіи о готовящемся имъ новомъ полемическомъ произведеніи противъ Совѣтскаго правительства *), которое примѣняетъ „диктатуру пролетаріата“ такъ, какъ это предполагалъ Марксъ, творецъ этого крылатаго слова, а не такъ, какъ ее понимаетъ Каутскій, т.-е. не въ видѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Жаль только, что въ революціонные 1848—1849 годы Марксъ осыпалъ всѣмъ ядомъ своей насмѣшки продукты этого избирательнаго права: Франкфуртскій и Берлинскій парламенты и, навѣрное, предложилъ бы посадить подъ замокъ (хотя, конечно, не въ тюрьму) всякаго глубокаго мыслителя, который посовѣтовалъ бы ему тогда—въ случаѣ его побѣды—созвать во Франкфуртѣ и Берлинѣ новыя представительныя учрежденія на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Какъ Марксъ самъ въ случаѣ своей побѣды, воспользовался бы

---

*) ПРИМ. ПЕРЕВ. Трудъ Каутскаго уже появился въ печати подъ заглав. «Dictatur und Democratie».

„диктатурой пролетаріата"—объ этомъ онъ говорилъ достаточно ясно и часто въ „Коммунистическомъ манифестѣ" и въ „Новой Рейнской Газетѣ". Это былъ тотъ же самый методъ, который теперь примѣняется Совѣтской властью.

Однако, это новое выступленіе противъ Совѣтской власти только подтверждаетъ оцѣнку „каутскіанизма", которую дали уже три года тому назадъ товарищи Ленинъ и Зиновьевъ. Они увидѣли въ немъ продуктъ преклоненія передъ марксизмомъ на словахъ и капитуляціи передъ оппортунизмомъ на дѣлѣ; безъ безпощадной борьбы противъ этого „ренегатства" рабочій классъ будетъ не въ состояніи выполнить свою всемірно-историческую миссію. И, дѣйствительно, пришлось бы отчаяться въ нѣмецкихъ рабочихъ, если бы мы захотѣли повѣрить, что они дадутъ одурачить себя этими новѣйшими „политическими благоглупостями"—по мѣткому, хотя довольно сдержанному, выраженію товарища Цеткиной. Скорѣе можно предположить, что они будутъ сбиты съ толку несомнѣннымъ поворотомъ во внѣшней политикѣ большевиковъ. Крупное значеніе настоящей брошюры и состоитъ въ томъ, что она разъясняетъ этотъ фактъ. Брестъ-литовскій миръ, которому подчинилась Совѣтская власть, и его послѣдствія, — вотъ истинный камень преткновенія. Да и въ самомъ дѣлѣ, — развѣ не звучитъ достаточно фантастически, что пролетарская революція хочетъ достигнуть своей цѣли, подчиняясь миру наподобіе тильзитскаго.

Это фантастическое впечатлѣніе остается, однако, только у поверхностнаго наблюдателя, который думаетъ постигнуть сущность историческихъ событій, цѣпляясь за чисто-внѣшніе признаки сходства. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я на столбцахъ „Лейпцигской Народной Газеты" провелъ параллель между Брестъ-Литовскомъ и Тильзитомъ и не хочу здѣсь повторяться. Если съ точки зрѣнія морали и можно было бы поздравить нѣмецкую дипломатію за то, что въ ея рядахъ не нашлось Талейрана, то съ точки зрѣнія интеллекта это поздравленіе становится выраженіемъ сожалѣнія. Когда Наполеонъ диктовалъ своему тогдашнему министру Талейрану условія тильзитскаго мира, то этотъ столь же способный, сколь и безсовѣстный дипломатъ замѣтилъ: „это—не миръ, это—интермеццо" и началъ плести измѣну противъ своего господина и повелителя. Отмѣтимъ еще, что тогда какъ Тильзитскій баракъ простоялъ съ грѣхомъ пополамъ нѣсколько лѣтъ,—ураганъ всемірной исторіи уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ свиститъ на тысячу ладовъ сквозь широкія щели брестскаго договора.

Первый періодъ внѣшней политики большевиковъ не нуждается въ оправданіи съ революціонно-соціалистической

точки зрѣнія. Ихъ вожди постоянно заявляли и вели свою политику исходя изъ того, что помощь и спасеніе можетъ дать имъ только международный пролетаріатъ. Не ихъ вина, что надежда эта не оправдалась. Послѣ этого они были стиснуты между двумя враждующими лагерями имперіализма и поставлены передъ выборомъ: или послѣдняя отчаянная схватка, за которою должно было на десятилѣтія наступить молчаніе могилы, или же политика „передышки", т.-е. видимость кавдинскаго ига, балки котораго сплетены изъ неувязанной соломы и должны разсыпаться и фактически разсыпятся прахомъ, какъ только смертельно раненый исполинъ будетъ въ состояніи пошевелиться и расправить свои члены.

Нѣтъ сомнѣній, что выборъ былъ тяжелъ. Революціонное прошлое тѣхъ, кто рѣшился пойти на политику „передышки", является намъ порукой въ томъ, что рѣшеніе это было принято не съ легкой душой. Но эта побѣда надъ самими собой была предпосылкой для побѣды ихъ дѣла. (Неужели же постояннымъ удѣломъ пролетарскихъ революцій является ихъ гибель въ мрачномъ ореолѣ крови и пламени? Неужели же попытка пролетарской революціи жить въ борьбѣ, покуда возможна борьба съ честью, не заслуживаетъ справедливой оцѣнки?)

Покуда возможна борьба съ честью,—вотъ несомнѣнно рѣшающій пунктъ. Если бы Совѣтское правительство пожелало „лавировать" между обоими имперіалистическими лагерями при помощи оппортунистическихъ уловокъ, то оно, желая остаться въ живыхъ, уничтожило бы источники жизни. Но вожди Совѣтской власти сумѣли еще до сихъ поръ показать, что они знаютъ, гдѣ находится единственный источникъ ихъ силы и ихъ права. Нужно только, на основаніи настоящей брошюры, прослѣдить, какъ они отступали шагъ за шагомъ передъ превосходными силами со славой и развернутымъ знаменемъ,—отступали до послѣдняго горькаго конца. Но и въ этомъ концѣ: какая разница между Тильзитомъ и Брестъ-Литовскомъ! Въ Тильзитѣ одинъ изъ двухъ побѣжденныхъ—царь всея Руси—ползалъ на колѣняхъ передъ цезаремъ-плебеемъ, чтобы урвать за счетъ своего союзника часть добычи. Другой побѣжденный, прусскій король, пытался добиться подачекъ отъ Наполеона, прибѣгая къ чарамъ кокетства своей красивой жены, которыя, однако, по его собственной остротѣ, „скатывались съ закоренѣлаго грѣшника, какъ вода съ клеенки". А въ Брестъ-Литовскѣ мы имѣемъ гордое заявленіе: „Мы принуждены уступить силѣ, но мы не торгуемся и не входимъ въ сдѣлку". Между русской революціей и германскимъ имперіализмомъ нѣтъ соглашательскаго мира.

Такимъ образомъ, революціонная честь Совѣтской власти сохранена во внѣшней политикѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и

во внутренней. Это не значитъ, конечно, что вожди ея объявляются непогрѣшимыми и стоящими внѣ всякой критики. Энгельсъ сказалъ однажды, что глупости дѣлаютъ во время революціи точно такъ же, какъ и въ болѣе спокойныя времена, но онъ никогда не требовалъ, чтобы о революціи судили по ошибкамъ, которыя могутъ быть ею совершены. Этотъ несчастный учительскій тонъ, при которомъ изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса, является стариннымъ наслѣдіемъ нѣмецкаго филистера, который вѣчно все критиковалъ, но никогда ничего не могъ сотворить. Но этому тону не мѣсто въ рядахъ класса и партіи, которые Марксъ и Энгельсъ, Лассаль и Либкнехтъ учили подходить къ великимъ событіямъ съ великимъ масштабомъ.

Я не хочу, однако, переходить границъ предисловія, которое вполнѣ достигнетъ своей цѣли, если ему удастся нѣсколько проложить путь въ рядѣ нѣмецкихъ рабочихъ для послѣдующаго изложенія, и облегчить имъ, такимъ образомъ, пониманіе русской революціи.

Фр. Мерингъ.

Внѣшняя политика Совѣтской Россіи.

Россійская революція вспыхнула въ періодъ незаконченной міровой войны. Хотя и далеко невѣрно на первый взглядъ кажущееся правильнымъ утвержденіе, будто военныя неудачи породили революцію, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что эти неудачи значительно способствовали усиленію и углубленію революціоннаго сознанія въ массахъ и явились, такъ сказать, непосредственнымъ толчкомъ, вызвавшимъ революцію. Не будь пораженія на фронтѣ, революція вспыхнула бы все равно, но, быть можетъ, значительно позже. Война не вызываетъ къ жизни никакихъ новыхъ соціальныхъ силъ и группировокъ, не создаетъ новыхъ производственныхъ отношеній. Въ отличіе отъ революціи, не будучи сама по себѣ соціально-творческимъ процессомъ, война только невѣроятно ускоряетъ весь темпъ общественно-экономическаго развитія и еще болѣе обостряетъ соціальныя противорѣчія, существовавшія до войны. Особенно такая война, какъ нынѣшняя, міровая. Наиболѣе рѣзко все это должно было проявиться именно въ царистской Россіи, гдѣ самодержавный режимъ казался и дѣйствительно былъ насквозь прогнившимъ еще задолго до войны и до взрыва революціи. Въ этихъ условіяхъ революція повсюду неизбѣжно должна была итти подъ знаменемъ борьбы за миръ. И подъ этимъ именно лозунгомъ вспыхнула великая россійская революція.

Въ кровавомъ столкновеніи имперіалистическихъ левіафановъ, казалось, не существовало другого выхода, казалось, не было никакой другой возможности положить конецъ кошмарной бойнѣ, какъ только революція, т. е. въ данной ситуаціи прежде всего отказъ народныхъ массъ уничтожать другъ друга. Но эта же ситуація порождала элементы, внутренне задерживающіе и самое революцію, и темпъ, и направленіе ея. Опасность пораженія собственной страны, воспринимавшаяся въ народномъ сознаніи, какъ опасность полнаго національнаго и государственнаго уничтоженія, сильно способствовала развитію шовинистскаго настроенія въ массахъ, культивировала національный антагонизмъ и налагала поэтому своего рода внутреннюю узду на стихійно-революціонный процессъ.

* * *

Специфическія россійскія условія привели къ тому, что царистская Россія сдалась первая и русскій народъ раньше всѣхъ другихъ отбросилъ штыкъ и схватился за красное знамя. Красное знамя разрѣшало внутреннія соціально-экономическія противорѣчія, но оно же разрѣшало и проблемы міровой войны. Въ той тѣсной сплоченности, которая за послѣднія десятилѣтія характеризуетъ внѣшнія отношенія современныхъ государствъ, совершенно немыслимо было исключительно внутреннее разрѣшеніе даже соціально-экономическихъ проблемъ, тѣмъ болѣе немыслимо было изолированное національное разрѣшеніе тѣхъ запутанныхъ въ неразрубаемый гордіевъ узелъ имперіалистическихъ конфликтовъ, которые привели къ міровой войнѣ. Буржуазная даже революція въ Россіи могла быть терпима во-внѣ только постольку, поскольку она уничтожала недостатки царистскаго режима, изживая революціонное броженіе въ Россіи и консолидируя Россію, укрѣпляла ее и дѣлала изъ нея болѣе сильную и могущественную помощницу въ войнѣ а, слѣдовательно, болѣе выгоднаго и нужнаго контрагента въ борьбѣ за имперіалистическіе интересы капиталистическихъ хищниковъ, находившихся по сю сторону окоповъ. Поэтому, для такъ называемыхъ „союзниковъ" Россіи и для самой россійской буржуазіи выгоденъ былъ военный переворотъ, милитаризировавшій Россію, и россійская революція была терпима только, какъ революція, приводившая къ революціонной войнѣ. Наоборотъ, по ту сторону окоповъ, для того клубка имперіалистической запутанности, который опредѣлялся и направлялся Германіей, россійская революція была желательна и даже необходима только постольку, поскольку она ослабляла боевую мощь Россіи и выбивала ее изъ числа боевыхъ противниковъ Германіи. Съ разныхъ точекъ зрѣнія, поэтому, первый взрывъ россійской революціи былъ восторженно встрѣченъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны окоповъ, и обѣ стороны стремились направить революцію въ желательномъ для нихъ направленіи.

Внутри Россіи процессъ военнаго разложенія арміи шелъ своимъ чередомъ. Здѣсь не мѣсто и теперь не время искать виновниковъ. Достаточно указать, что господа, обвиняющіе теперь большевиковъ въ разложеніи арміи, сами отлично понимали, что армію разлагають не люди, а событія, т.-е. прежде всего самый фактъ революціи. Лучшая армія все-таки та, которая сражается по Клаузевицу и Гинденбургу, и крахъ авантюры 18 іюня—печальное тому доказательство. Революціонная армія можетъ быть создана только въ періодъ революціонной войны. Сознаніе необходимости такой войны еще

не созрѣло въ русскомъ народѣ. Русскій народъ, за всю свою исторію, по крайней мѣрѣ, поскольку онъ, какъ народъ, могъ ее помнить, не зналъ чужеземнаго ига и не могъ понять, что такое иго означаетъ. Вся ненависть народная была направлена противъ самодержавія. Европа всегда представлялась, какъ нѣчто гораздо болѣе свободное и демократичное, чѣмъ царистская Россія. Народъ русскій героически сражался противъ контръ-революціонныхъ войскъ, но не хотѣлъ воевать противъ нѣмцевъ: Германія скорѣе представлялась въ образѣ спасительницы, нежели подъ видомъ новаго насильника.

Кромѣ того, крестьянство и мѣщанство, въ отличіе отъ пролетаріата, всегда болѣе националистичны. И русскій народъ, въ большинствѣ своемъ крестьянскій, гораздо болѣе занятъ былъ своими домашними нуждами, нежели тѣми великими международными задачами, которыя исторія возложила на него. Крестьянская армія бросала фронтъ и разбѣгалась, чтобы принять участіе въ распредѣленіи земли. Противъ этого также нельзя было бороться, какъ невозможно было остановить революцію.

Съ другой стороны, продолжался также процессъ національнаго расчлененія Россіи.

Многовѣковой гнетъ, давившій тяжелымъ кошмаромъ народы Россіи, вызвалъ самое рѣшительное противодѣйствіе, какъ только заря свободы освѣтила многострадальную русскую землю. Народы не могли понять сразу, что имъ вовсе не зачѣмъ такъ бережно и рѣзко отстаивать свою національную самостоятельность теперь, когда никто на нее больше не покушается. Этому непониманію сильно способствовала неразумная политика Керенскаго, которая не считалась съ національными нуждами и особенно національнымъ самолюбіемъ Украины и Финляндіи.

Большевистская побѣда приводила къ тому, что распадавшаяся было Россія опять начинала „собираться“ и централизоваться. И даже враги большевизма принуждены были отмѣтить процессъ „собиранія русской земли“ или, какъ они его называли, „большевизаціи“ Россіи.

Но дѣло въ томъ, что „большевизація“ эта шла путемъ перенесенія на окраины внутренней классовой борьбы; объединеніе Россіи шло не во имя русской оріентаціи или сознательнаго стремленія къ централизму, но оно происходило, какъ результатъ повсемѣстной побѣды рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ надъ буржуазіей и буржуазной демократіей. Это не была борьба за *единую* Россію, но за *Совѣтскую* Россію; россійская революція расширялась и углублялась также и на окраинахъ.

Но тамъ, на окраинахъ, помимо классоваго антагонизма, существовали еще исторически накопленныя центробѣжныя

силы, которыя мѣстами и временно были гораздо сильнѣе центростремительныхъ. Побѣжденная въ этой борьбѣ украинскимъ совѣтскимъ правительствомъ мелкобуржуазная центральная украинская рада цѣпко держалась за свою власть. Часть поддерживающихъ ее элементовъ боролась за свое классовое господство, другая часть просто не понимала всей грандіозности развертывающихся событій. Первые—во имя борьбы за свои классовые интересы, вторые—просто во имя осуществленія украинской независимости, дававшей имъ возможность играть столь импонировавшую имъ роль, — но и тѣ и другіе бросились въ объятія имперіалистической Германіи и широко открыли ей двери для военнаго натиска на Россію и беззастѣнчиваго вмѣшательства во внутреннія россійскія дѣла.

Исторически - позорна была роль украинской делегаціи въ Брестъ-Литовскѣ. Въ погонѣ за признаніемъ украинской независимости, Центральная Рада совершенно забывала о томъ, что Германія пока еще была врагомъ Россіи, а она, совмѣстно съ россійской делегаціей, находилась по одну и ту же сторону проволочныхъ загражденій, на одномъ и томъ же фронтѣ, лицомъ противъ Германіи и ея союзниковъ.

Центральная Рада во всей своей внѣшней политикѣ исходила только изъ желанія украинской независимости. Для нея было совершенно безразлично, кто признаетъ эту независимость: Англія и Франція, которыя были союзниками Россіи, или же Германія и ея союзницы, бывшія врагами ея.

Сначала заведя интригу съ Согласіемъ и получивъ даже оттуда деньги на борьбу съ Совѣтской Россіей, Центральная Рада рѣшила воспользоваться Брестъ-Литовскими переговорами, чтобы добиться признанія собственной независимости на международной аренѣ. Эта независимость являлась альфой и омегой всей политической мудрости Центральной Рады. Называя себя демократами, представители Рады нисколько не понимали и не считались съ тѣмъ, что въ данный моментъ велась борьба за всеобщій демократическій миръ, за миръ народовъ. Называя себя соціалистами, они не стѣснялись вступать въ тайныя сдѣлки и просить помощи германскаго имперіализма *противъ* своихъ и всероссійскихъ соціалистовъ.

Бережно, какъ къ малымъ ребятамъ, относилась къ нимъ сначала русская делегація. Цѣлые вечера тратились на то, чтобы разъяснить этимъ политическимъ младенцамъ весь смыслъ исторической трагедіи, разыгрывавшейся на территоріи Брестъ-Литовской цитадели. Чтобы не раздражать и не оскорблять національнаго чувства,—чувства болѣе или менѣе атавистическаго свойства, признана была независимость Украйны и полная самостоятельность украинской делегаціи, но невозможно было признать Раду единственной и законной представительницей независимой Украйны, невозможно было

особенно потому, что тогда уже начиналось на Украйнѣ успѣшное движенiе противъ правительства Рады со стороны тѣхъ классовъ народа, которые поддерживали Совѣтскую власть и на Руси и на Украйнѣ.

Этого было достаточно, чтобы украинская делегацiя совершенно отшатнулась отъ русской; участились тайные закулисные переговоры украинцевъ съ делегацiями четверного союза,—переговоры, о содержанiи которыхъ, несмотря на неоднократныя требованiя, не освѣдомляли русскихъ делегатовъ.

Въ своихъ выступленiяхъ украинскiе делегаты рѣзко обрушивались противъ Совѣтской Россiи, подтверждая, пополняя и подкрѣпляя своими показанiями и своимъ авторитетомъ всѣ лживыя измышленiя и клевету, которую до сего возводили на большевиковъ только представители германской военной партiи. Укрѣплялся трогательный альянсъ германскаго имперiализма и украинской демократiи. И, наконецъ, взвился занавѣсъ передъ послѣднимъ актомъ этой столь ловко разыгрываемой трагикомедiи: 9-го февраля 1918 года русской делегацiи было торжественно объявлено, что никакихъ засѣданiй не будетъ, ибо это—день празднества, день подписанiя германско - австро - венгерско - турецко-болгарско-украинскаго мира, причемъ съ вѣжливой насмѣшкой было добавлено, чтобы русскiе делегаты, отнынѣ пользующiеся гостепрiимствомъ Украйны, ибо теперь всѣ находятся на ея территорiи,—не пугались пушечной пальбы такъ какъ это будутъ только салюты въ честь подписанiя мира, первые со времени завоеванiя Бреста салюты, производимые съ разрѣшенiя украинской делегацiи...

Занавѣсъ опустился, и въ то время, какъ украинскiе демократы, совмѣстно съ германскими, австрiйскими, болгарскими и турецкими генералами и министрами, гордые своей ролью „независимыхъ" предателей своей родины, справляли тризну на могилѣ Украйны, — русскiе революцiонеры скорбѣли о печальной участи, предстоящей Украинѣ, и гибели ея молодой свободы.

Ясно было, что предательство Рады невѣроятно затрудняло борьбу россiйской революцiи; впередъ можно было предвидѣть, что черезъ украинскiя ворота пройдетъ новый натискъ на Совѣтскую Россiю. Борьба была непосильна и безнадежна. Все отчетливѣе вырисовывалось предстоящее наступленiе германскаго имперiализма и все опредѣленнѣе становилось, что германскаго мира принять невозможно, а лучшаго добиться тоже невозможно.

Тогда впервые зародилась идея: мира не подписывать, войны не вести.

Мiровая война не была еще закончена и приходилось считаться съ тѣмъ, что обѣ враждебныя имперiалистическiя

коалиціи всѣми правдами и неправдами, добромъ и силой будутъ стремиться переманить Совѣтскую Россію на свою сторону и будутъ стараться использовать ее каждая въ своихъ выгодахъ.

Фактически современное капиталистическое общество не знаетъ права, не основаннаго на силѣ, *силы права* не существуетъ, признается только *право силы*.

Совѣтская Россія, гдѣ старая армія сама уничтожила себя, а новая еще не была создана, перестала быть сильной, поэтому перестала быть страшной, и, наконецъ, поэтому же перестала имѣть какія бы то ни было права во внѣшнихъ отношеніяхъ. Политика „передышки“ основана была на мирѣ, ибо только внѣшній миръ давалъ эту „передышку“. Во имя мира поэтому совѣтской дипломатіи приходилось быть уступчивой. Имперіализмъ всегда агрессивенъ, и, заранѣе предвидя новое наступленіе имперіализма, не имѣло смысла провоцировать его, но нужно было лавировать такъ, чтобы для этого новаго наступленія не было поводовъ. Ибо весь смыслъ „передышки“ именно въ томъ и заключался, чтобы „передышка“ была дѣйствительно дана, т.-е. чтобы Россія, получивъ миръ во-внѣ, могла заняться органическимъ строительствомъ внутри.

Конечно, сразу нельзя было отказаться отъ прежней революціонной тактики, нельзя было внезапно переходить на новый путь; нельзя было, наконецъ, дать германскому имперіализму великій козырь, заключавшійся въ возможности не только дать своему народу миръ на Востокѣ, но и изобразить этотъ миръ, какъ миръ соглашенія съ россійской революціей. Поэтому, подписывая Брестскій миръ, россійская делегація открыто заявила въ послѣдней своей деклараціи, что она принимаетъ навязываемый ей ультиматумъ, подчиняясь силѣ, но признаетъ Брестскій миръ миромъ насилія, а не соглашенія, и рѣшительно протестуетъ противъ произведеннаго надъ Россіей насилія.

Съ точки зрѣнія реальной политики, можно было еще въ Брестѣ добиться нѣкоторыхъ смягченій требованій четверного союза: противники Россіи запрашивали, несомнѣнно, больше того, чѣмъ разсчитывали получить; поэтому, вѣроятно, требованія эти выходили даже за предѣлы поставленнаго ультиматума. Но если бы только россійская делегація стала торговаться, ея противники въ своей внутренней политикѣ, несомнѣнно, использовали бы это для доказательства того, что Россія подписала Брестскій миръ не по принужденію, а послѣ обсужденія и, кое-что отклонивъ, другое согласилась принять. Практическіе результаты такихъ переговоровъ были бы совершенно ничтожны, ибо ультиматумъ заранѣе ограничивалъ рамки германскихъ уступокъ, но политическій вредъ такой тактики былъ бы громаденъ.

Если теперь находятся политики, осмѣливающіеся утверждать, что русскіе революціонеры сами виноваты въ тяжелыхъ условіяхъ Брестскаго мира, ибо могли бы имѣть лучшія, то эти лицемѣры совершенно сознательно извращаютъ факты, ибо они еще лучше насъ знаютъ, что именно Германія согласилась бы уступить.

Въ самомъ началѣ переговоровъ, когда обѣ стороны еще стояли на практической почвѣ, ясно было, что хочетъ Германія. Если бы россійская делегація, въ спорѣ о пониманіи права наци на самоопредѣленіе, согласилась принять предлагаемую г. Кюльманомъ „болѣе широкую основу" для голосованія („breiteren Basis"), то отъ этого практически ровно ничего не измѣнилось бы: истинно демократическаго голосованія, всеобщаго плебисцита, котораго требовала россійская делегація, Германія ни въ коемъ случаѣ не допустила бы и никогда не признала бы такого самоопредѣленія, которое выпало бы не въ ея пользу; другими словами: нужныя Германіи буферныя государства все равно были бы созданы. Точно также въ послѣдній моментъ Германія, быть можетъ, не слишкомъ отстаивала бы дерзкія притязанія Турціи на Карсъ, Ардаганъ и Батумъ, но тѣмъ не менѣе эти округа были бы аннексированы Турціей при молчаливомъ согласіи или содѣйствіи Германіи.

Но, съ другой стороны, въ первомъ случаѣ россійскіе революціонеры дали бы германскимъ имперіалистамъ возможность утверждать, что побѣдило ихъ пониманіе права націй на самоопредѣленіе, а во второмъ случаѣ—россійскіе революціонеры поддержали бы весьма для нихъ вредную, но жизненно необходимую германскимъ имперіалистамъ иллюзію мирнаго соглашенія россійской революціи съ германскимъ имперіализмомъ. И въ первомъ и во второмъ случаѣ россійскіе революціонеры, не выигрывая ничего практически, страшно вредили бы своему собственному дѣлу.

Тайную дипломатію Правительство отмѣняетъ, съ своей стороны выражая твердое намѣреніе вести всѣ переговоры совершенно открыто передъ всѣмъ народомъ, приступая немедленно къ полному опубликованію тайныхъ договоровъ, подтвержденныхъ или заключенныхъ правительствомъ помѣщиковъ и капиталистовъ съ февраля по 25 октября 1917 года. Все содержаніе этихъ тайныхъ договоровъ, поскольку оно направлено, какъ это въ большинствѣ случаевъ бывало, къ доставленію выгодъ и привилегій русскимъ помѣщикамъ и капиталистамъ, къ удержанію или увеличенію аннексій великороссовъ, Правительство объявляетъ безусловно и немедленно отмѣненнымъ.

Обращаясь съ предложеніемъ къ правительствамъ и народамъ всѣхъ странъ начать немедленно открытыя перего-

воры о заключеніи мира, Правительство выражаетъ съ своей стороны готовность вести эти переговоры какъ посредствомъ письменныхъ сношеній, по телеграфу, такъ и путемъ переговоровъ между представителями разныхъ странъ или на конференціи таковыхъ представителей. Для облегченія такихъ переговоровъ Правительство назначаетъ своего полномочнаго представителя въ нейтральныя страны.

Правительство предлагаетъ всѣмъ правительствамъ и народамъ всѣхъ воюющихъ странъ немедленно заключить перемиріе, причемъ съ своей стороны считаетъ желательнымъ, чтобы это перемиріе было заключено не меньше, какъ на три мѣсяца, т.-е. на такой срокъ, въ теченіе котораго вполнѣ возможно какъ завершеніе переговоровъ о мирѣ съ участіемъ представителей всѣхъ безъ изъятія народностей или націй, втянутыхъ въ войну или вынужденныхъ къ участію въ ней, такъ равно и созывъ полномочныхъ собраній народныхъ представителей всѣхъ странъ для окончательнаго утвержденія условій мира.

Обращаясь съ этимъ предложеніемъ мира къ правительствамъ и народамъ всѣхъ воюющихъ странъ, временное рабочее и крестьянское Правительство Россіи обращается также въ особенности къ сознательнымъ рабочимъ трехъ самыхъ передовыхъ націй человѣчества и самыхъ крупныхъ участвующихъ въ настоящей войнѣ государствъ, Англіи—Франціи и Германіи. Рабочіе этихъ странъ оказали наибольшія услуги дѣлу прогресса и соціализма и великіе образцы чартистскаго движенія въ Англіи, рядъ революцій, имѣвшихъ всемірно-историческое значеніе, совершенныхъ французскимъ пролетаріатомъ, наконецъ, въ геройской борьбѣ противъ исключительнаго закона въ Германіи и образцовой для рабочихъ всего міра длительной, упорной дисциплинированной работѣ созданія массовыхъ пролетарскихъ организацій Германіи. Всѣ эти образцы пролетарскаго героизма и историческаго творчества служатъ намъ порукой за то, что рабочіе названныхъ странъ помнятъ лежащія на нихъ теперь задачи освобожденія человѣчества отъ ужасовъ войны и ея послѣдствій,—ибо эти рабочіе всесторонней рѣшительной и беззавѣтно энергичной дѣятельностью своей помогутъ намъ успѣшно довести до конца дѣло мира и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло освобожденія трудящихся и эксплоатируемыхъ массъ населенія отъ всякаго рабства и всякой эксплоатаціи.

Съ другой стороны, опытъ Украйны и только-что захваченныхъ германцами территорій наглядно доказывалъ, что тамъ, гдѣ хозяйничаетъ германскій милитаризмъ, немедленно уничтожаются всѣ завоеванія революціи и экономически и политически возстанавливается старый, дореволюціонный порядокъ. Зная заранѣе, что германскія полчища оттѣснятъ россійскую революцію далеко за Уралъ, надо было считаться

съ тѣмъ, что для соціалистическаго строительства останется весьма ограниченное и притомъ наименѣе благодарное, ибо наиболѣе промышленно-отсталое, поле дѣятельности. Если принять во вниманіе, что до сего Совѣтскаи власть, вынужденная вести борьбу противъ всего мірового имперіализма и внутри Россіи и внѣ ея, вынужденная вести и внѣшнюю и внутреннюю войну,—не въ силахъ была выполнять своей программы, но получивъ, наконецъ, миръ хотя бы съ Германіей, могла бы легко справиться со всѣми внутренними врагами и внутренними осложненіями и должна была явить міру примѣръ небывалаго еще соціалистическаго строительства,—тогда понятнымъ станетъ, что доводы сторонниковъ принятія германскаго ультиматума и подписанія мира пріобрѣтали очень значительную цѣнность.

Тотъ фактъ, что міровой имперіализмъ находился еще въ стадіи открытаговоо руженнаго столкновенія, не дававшаго возможности имперіалистамъ разныхъ странъ спѣться между собою и совмѣстно двинуться противъ соціалистической Россіи,—давалъ реальную и весьма положительную надежду, что Россія, дѣйствительно, получитъ временную „передышку", которую сможетъ использовать въ направленіи внутренняго антикапиталистическаго строительства.

Внутри руководящихъ политическихъ партій и Совѣтскаго Правительства одержало верхъ мнѣніе сторонниковъ „передышки". Оставшіеся въ меньшинствѣ должны были подчиниться не только во имя обязательной партійной дисциплины, но и, главнымъ образомъ, потому, что революціонное народное возстаніе противъ германскаго нашествія могло разсчитывать на успѣхъ только при полномъ, абсолютномъ единодушіи въ руководящихъ кругахъ Россіи; малѣйшія разногласія среди руководителей, а тѣмъ болѣе открытый расколъ заранѣе обрекали всю эту революціонную тактику на полный, а быть,-можетъ, и позорный неуспѣхъ.

Нужно прямо признать: принятіе тактики „передышки" означало *полный отказъ* отъ прежней революціонной внѣшней политики; на международной аренѣ Россія выбывала въ качествѣ фермента революціи; единственнымъ революціонизирующимъ Европу моментомъ оставался теперь только самый фактъ существованія россійской революціи и отраженное вліяніе во-внѣ внутренняго соціалистическаго строительства Россіи. Во внѣшней политикѣ прекращалась тактика „ставки на міровую революцію", и послѣдняя теперь должна была быть предоставлена исключительно своимъ собственнымъ внутреннимъ силамъ; агитаціонное значеніе россійской революціи сводилось отнынѣ только къ агитаціонному значенію ея внутренняго соціалистическаго законодательства и внутренней экономической политики.

Этотъ моментъ былъ весьма критическимъ моментомъ въ исторіи россійской революціи; отъ принятія того или иного рѣшенія зависѣло либо продолженіе прежней революціонной тактики, либо же переходъ къ совершенно иной тактикѣ. Какъ уже указано, принята была тактика „передышки“, и это ставило внѣшнюю политику Совѣтской Россіи на совершенно новые рельсы. Даже языкъ не могъ быть уже прежнимъ. Не къ революціонизированью Европы должна была впредь стремиться совѣтская дипломатія, но къ пріобрѣтенію реальныхъ выгодъ, къ огражденію интересовъ новой Россіи, къ защитѣ ея отъ перманентнаго натиска германскаго и иного имперіализма.

Пока революція въ Россіи оставалась буржуазной или мелко-буржуазной, она, подъ вліяніемъ буржуазіи и шедшей у нея на поводу мѣщанской демократіи, развивалась въ желательномъ для противниковъ Германіи направленіи. Революція должна была привести къ революціонной войнѣ; вчерашніе интернаціоналисты и пораженцы становились „революціонными оборонцами“, а революціонные народы Россіи, только-что избавившіеся отъ цѣпей самодержавія, должны были запутаться въ тенетахъ мірового имперіализма. Первое министерство Милюкова было по существу англійскимъ министерствомъ въ Россіи, а смѣнившій его Терещенко менѣе откровенно, но болѣе оппортунистически - цинично проводилъ ту же англофильскую политику.

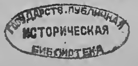
Все это, конечно, не могло не безпокоить Германію, и ея интриги, естественно, были направлены какъ разъ въ противоположную сторону. Исторія сыграла одну изъ своихъ злѣйшихъ шутокъ: наиболѣе реакціонная страна въ мірѣ, Германія, не только съ симпатіей относилась, но и поддерживала революціонную оппозицію въ Россіи, а наиболѣе революціонная въ мірѣ партія большевиковъ была объявлена агентурой германскаго имперіализма. Всѣ перипетіи этого историческаго анекдота могутъ быть оставлены въ сторонѣ. Когда - нибудь объективная исторія вынесетъ свой нелицепріятный приговоръ виновникамъ и жертвамъ всѣхъ этихъ интригъ. Одно только можно сказать уже и теперь: какова бы субъективно ни была роль Англіи въ первомъ буржуазномъ и демократическомъ періодѣ россійской революціи, и какова бы субъективно ни была роль Германіи во второмъ пролетарскомъ періодѣ ея,—ни та, ни другая *ровно ничего не измѣнили и не могли измѣнить* въ процессѣ объективнаго историческаго развитія, неизбѣжно вовлекавшаго Россію въ періодъ соціалистической революціи, ничего ровно не могли онѣ измѣнить также въ той программѣ мира, которая необходимо должна была стать *программой революціи*.

***

Революція имѣла свою объективную революціонную логику, и пролетаріатъ россійскій, шедшій въ авангардѣ революціи, ни въ коемъ случаѣ не могъ ограничивать своихъ задачъ только стремленіемъ положить конецъ кровавой бойнѣ. Конечно, онъ не могъ не стремиться къ прекращенію взаимоистребленія народовъ, но онъ долженъ былъ также попытаться перестроить міръ и осуществить всѣ свои соціальныя и экономическія требованія. Пролетаріатъ Россіи не могъ не понимать, что каковы бы ни были временныя и случайныя комбинаціи имперіалистическихъ взаимоотношеній и враждебныхъ другъ другу имперіалистическихъ коалицій,— революція въ Россіи, сразу создавшая изъ прежняго „жандарма Европы", изъ оплота европейской реакціи крѣпость международной революціи,—одинаково опасна для всѣхъ капиталистическихъ, буржуазныхъ правительствъ, и рано или поздно долженъ наступить моментъ объединенія *всѣхъ* имперіалистическихъ силъ *противъ* россійской пролетарской революціи. И, подобно тому, какъ мелко-буржуазная революція въ нынѣшней стадіи производственныхъ отношеній ни въ коемъ случаѣ и никакими способами не можетъ быть удержана на этой ступени, но неизбѣжно должна докатиться до соціалистическаго переворота,— подобно этому крестовый походъ міровой буржуазіи противъ пролетарской революціи ни въ коемъ случаѣ не можетъ ограничиться только подавленіемъ этой послѣдней, но неизбѣжно долженъ привести къ полному уничтоженію всѣхъ революціонныхъ завоеваній,— также и буржуазно-демократическихъ,—и закончиться реставраціей уже не демократическаго, а реакціоннаго крупно-капиталистическаго порядка.

Съ этой точки зрѣнія совершенно ясно было, что единственное спасеніе россійской революціи лежитъ въ ея, такъ сказать, *интернаціонализаціи*. Пролетаріатъ, интернаціональный по самому существу своему, не могъ надолго оставаться на почвѣ національной, даже демократически-національной. Грядущему международному объединенію міровою имперіализма противъ россійской революціи революція могла только противопоставить грядущее интернаціональное объединеніе мірового пролетаріата противъ всего капиталистическаго строя. Политика побѣдившаго внутри россійскаго пролетаріата должна была принять форму *„ставки на міровую революцію"*. Такъ же и въ борьбѣ за миръ, ибо и эта борьба въ опредѣлившейся ситуаціи съ желѣзной необходимостью становилась борьбой за міровую революцію.

Какъ только ясно опредѣлилось, что россійская революція, независимо отъ воли вождей ея, не можетъ удержаться на

стадіи революціи мелкобуржуазно-демократической, но необходимо должна подняться до соціалистической революціи,— намѣтился также и дальнѣйшій путь ея; россійская революція выходила изъ національныхъ границъ на международную арену; россійская революція могла побѣдить только какъ международная, или же она должна была погибнуть. Въ міровой пролетарской революціи было и оправданіе ея и спасеніе ея.

Но такъ какъ весь міръ все еще былъ охваченъ пожаромъ міровой войны, то революціонная борьба возставшаго и побѣдившаго въ Россіи пролетаріата должна была стать революціонной борьбой *за всеобщій, демократическій миръ*, она не могла быть ни революціонной войной, ни, тѣмъ менѣе, революціонной обороной, какъ это понималось и осуществлялось раньше, въ періодъ господства въ Россіи революціоннаго мѣщанства. Ибо война смертельно угрожала революціи. «Революція должна побѣдить войну, или война побѣдить революцію»,—это положеніе, бывшее только *словомъ* въ періодъ Милюковщины и Керенщины, становится *дѣломъ*, съ момента побѣды большевизма.

Двѣ главныхъ, основныхъ тенденціи должны были опредѣлять эту борьбу: во 1) классовый и революціонный характеръ ея, во 2) ея всеобщность, ея международный характеръ. Для перваго необходимо было прежде всего рѣзко и рѣшительно порвать со всѣми прошлыми самодержавнымъ и буржуазно-демократическимъ періодами развитія, нужно было безоговорочно отмежеваться отъ царистской и кадетской внѣшней политики. Для второго необходимо было поставить во главу угла не сепаратный, а всеобщій миръ и нужно было точно и ясно опредѣлить, о какомъ именно мирѣ идетъ рѣчь.

И то и другое было сдѣлано. Рабоче-крестьянское правительство новой соціалистической Россіи немедленно же послѣ захвата власти объявило недѣйствительными и необязательными для себя всѣ заключенные прежними правительствами договоры и перешедшія къ нему обязательства. Новое правительство Россіи немедленно же обратилось ко всѣмъ народамъ съ предложеніемъ перемирія на всѣхъ фронтахъ во имя переговоровъ о всеобщемъ демократическомъ мирѣ, и въ знаменитомъ «декретѣ о мирѣ», принятомъ на 3 мъ Съѣздѣ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, ясно и точно были формулированы тѣ именно, для всѣхъ одинаково пріемлемыя, основы всеобщаго демократическаго мира, за которыя обязалась бороться россійская революція.

Народы міра восторженно подхватили этотъ призывъ, но изъ всѣхъ воюющихъ правительствъ на приглашеніе революціонной Россіи отозвалась одна только Германія. Милитари-

стической Германіи, ведшей свои побѣдоносные легіоны въ огонь только подъ лозунгомъ обороны и подъ страхомъ разгрома со стороны почти всего остального міра, необходимо было продемонстрировать свое миролюбіе и отсутствіе агрессивныхъ стремленій. Революціонная Россія, строившая свою политику не на соглашеніи правительствъ, но на солидарности народовъ, не имѣла основаній опасаться сепаратныхъ переговоровъ съ Германіей, но, наоборотъ, имѣла полную возможность наглядно доказать всю силу революціонныхъ идей и вскрыть всю хищническую подоплеку миролюбивыхъ завѣреній имперіалистическихъ правительствъ.

Подъ брань и проклятья какъ отечественныхъ, такъ и «союзническихъ» имперіалистовъ и полуимперіалистовъ всѣхъ оттѣнковъ россійскіе революціонеры, представители революціонныхъ рабочихъ, крестьянъ, солдатъ и матросовъ отправились въ станъ враговъ и тамъ сѣли за одинъ столъ съ германскими милитаристами и имперіалистами.

Уже одинъ этотъ фактъ политической равноправности россійскихъ рабочихъ и крестьянъ съ германскими и другими императорскими министрами и россійскихъ солдатъ и матросовъ съ германскими и другими генералами и адмиралами въ качествѣ революціонизирующаго момента дѣйствовалъ гораздо рѣшительнѣе, нежели тысячи хорошихъ агитаціонныхъ брошюръ и рѣчей. Еще болѣе способствовалъ этому революціонизированью широкихъ народныхъ массъ тотъ языкъ, которымъ говорили въ Брестѣ делегаты россійской революціи, и тѣ идеи, которыя они тамъ выдвигали и за которыя боролись.

Но можно было, на время удовлетворившись тѣмъ, что Германія хотя бы и фразеологически, въ общемъ и цѣломъ не отвергла россійскихъ революціонныхъ принциповъ и все же опредѣлила по-своему цѣли войны, а французское, англійское и американское правительства и этого еще не сдѣлали, можно было попытаться воздѣйствовать на народы Франціи, Англіи и Америки.

Были свои соображенія за и противъ какъ перваго, такъ и второго плана. Важно было то, что съ германскимъ народомъ у русской революціи были все же точки соприкосновенія: братанье на протяженіи всего тысячеверстнаго фронта не могло оставаться безслѣднымъ и вмѣстѣ съ мыломъ и махоркой попадали все же на германскую почву и россійскія революціонныя идеи. Народы Антанта оставались совершенно въ сторонѣ отъ россійской революціи и цензурное мракобѣсіе въ этихъ странахъ доходило до того, что тамъ никто не зналъ даже, что собственно происходитъ въ Россіи. Если бы въ это время та же русская мирная делегація, которая только-что вела переговоры съ Германіей, Австро-Венгріей, Болгаріей и Турціей, явилась въ Парижъ или Лон-

донъ и потребовала бы тамъ переговоровъ о всеобщемъ демократическомъ мирѣ, то, если бы это предложеніе было принято и велись бы переговоры такъ же, какъ въ Брестъ-Литовскѣ, открыто, съ опубликованіемъ стенограммъ,—рѣзкое противопоставленіе россійской революціонности англійскому и французскому имперіализму подѣйствовало бы краснымъ пламенемъ на народы этихъ странъ; если же это предложеніе не было бы принято, то самый тотъ фактъ, что правительства Англіи и Франціи не согласны даже на то, на что согласилась Германія, долженъ былъ бы подѣйствовать достаточно революціонизирующимъ образомъ на англійскихъ и французскихъ рабочихъ.

Побѣдило то соображеніе, что для сношеній съ германскимъ народомъ существовала возможность воздѣйствія черезъ фронтъ, въ отношеніи же англичанъ и французовъ и этой возможности не было, а при цензурныхъ строгостяхъ даже факты легко могли быть скрыты отъ народовъ. И рѣшено было поэтому продолжать переговоры съ Германіей и еще больше оттѣнить противоположность между революціонной Россіей и имперіалистской Германіей.

Вскорѣ выяснилось, что германскія притязанія по существу совершенно непріемлемы: отказъ отъ аннексій свелся къ совершенно произвольному созданію абсолютно фиктивныхъ буферныхъ государствъ; контрибуція требовалась подъ видомъ возмѣщенія убытковъ частнымъ лицамъ и возстановленія ихъ въ правахъ, а право на національное самоопредѣленіе понималось, какъ право Германіи самой опредѣлять судьбу мелкихъ народовъ. Необходимо было поэтому еще рѣзче подчеркнуть разницу между русской и германской точками зрѣнія, необходимо было пользоваться всякимъ подходящимъ случаемъ, чтобы выяснить несогласіе германскихъ требованій съ ею же признанными принципами; нужно было употребить всю энергію и много діалектической ловкости, чтобы вывести на чистую воду германскихъ дипломатовъ и наглядно доказать даже самымъ довѣрчивымъ оптимистамъ, что за красивыми фразами германскихъ декларацій кроется самый безудержный аннексіонизмъ и самый хищный имперіализмъ. Это удалось несмотря на извращенные и весьма ловко поддѣланные отчеты попадавшіе въ германскую и австрійскую прессу (противъ чего неоднократно протестовала россійская делегація , общественное мнѣніе было сильно заинтересовано и въ самый острый моментъ переговоровъ германскіе, австро-венгерскіе, польскіе и латышскіе рабочіе политической забастовкой и уличными демонстраціями рѣшительно поддержали русскія требованія.

Движеніе это было жестоко и безпощадно подавлено. Какъ всегда послѣ такого подавленія, наступила еще сильнѣйшая реакція.

Характеризующій военную эпоху антагонизмъ между военными и чистыми политиками сказывался уже въ Брестъ-Литовскѣ. Въ первый періодъ германская политика казалась все же болѣе дальновидной, чисто военныя соображенія и стратегическія выгоды не выдвигались открыто. Это рѣзко измѣнилось во второй періодъ: военная карта и чисто матеріальное, временное, но фак ическое соотношеніе силъ было поставлено во главу угла. Все яснѣе становилось, что всякіе дальнѣйшіе переговоры безполезны. Агитаціонное значеніе переговоровъ дошло до своего апогея; съ пораженіемъ широкаго массоваго народнаго движенія и разгуломъ реакціи внутри, большихъ успѣховъ въ данный періодъ уже нельзя было добиться; съ другой стороны, у германскаго правительства, и особенно военной части его, все болѣе побѣждало убѣжденіе, будто россійская делегація не желаетъ мира, но хочетъ только использовать переговоры въ цѣляхъ агитаціи; отношенія все болѣе обострялись, политическая атмосфера сгущалась и назрѣвалъ разрывъ.

Съ первыхъ же словъ россійскіе делегаты заявили, что они пришли дать міру миръ и только во имя этого мира начали переговоры съ Германіей и предлагаютъ перемиріе. Перемиріе было создано: къ сожалѣнію, опять только русско-германское (и ея союзниковъ) перемиріе. Перерывъ этотъ былъ использованъ, чтобы еще разъ воздѣйствовать на народы Антанта. Народы были слишкомъ слабы, а быть можетъ, недостаточно рѣшительны, чтобы заставить свои правительства принять участіе въ переговорахъ, но англійскіе и американскіе и, частью, французскіе рабочіе привѣтствовали иниціативу россійскихъ революціонеровъ и обѣщали свое содѣйствіе. Правительства Антанта безмолствовали. Необходимо было продолжать свою политику и поэтому были начаты переговоры о мирѣ.

И здѣсь опять-таки россійскіе делегаты въ первой же своей деклараціи заявили, что они стремятся ко всеобщему демократическому миру, къ миру безъ аннексій и контрибуцій, съ признаніемъ права всѣхъ народовъ на свободное самоопредѣленіе. Въ полномъ согласіи съ „декретомъ о мирѣ“ эта декларація вкладывала конкретное содержаніе въ общую формулу демократическаго мира.

Конечно, россійскіе делегаты никогда не питали иллюзій, что германскій или какой-либо иной имперіализмъ могутъ воспринять и признать это конкретное содержаніе, могутъ осуществить и провести въ жизнь идеи и идеалы россійской революціи, но къ этому и не стремились: черезъ головы германскихъ министровъ и генераловъ россійскіе революціонеры обращались къ народамъ и настолько велика была сила революціонныхъ идей, что даже германскіе имперіалисты не посмѣли открыто отвергнуть русскихъ требованій. Въ своей

декларацiи германскiе представители признали миръ безъ аннексiй и контрибуцiй и право нацiй на самоопредѣленiе. Послѣднее право было признано только для народовъ, населяющихъ территорiи, завоеванныя въ нынѣшнюю войну. Русская делегацiя въ отвѣтной декларацiи отмѣтила это противорѣчiе и подвергла германскiй отвѣтъ подробной и внимательной критикѣ. Но въ высшей степени важенъ былъ фактъ, что Германiя *хотя бы внѣшне и чисто-фразеологически*, все же приняла лозунги россiйской революцiи.

Можно было заранѣе предполагать, что при конкретномъ приложенiи принятыхъ ею принциповъ Германiя постарается придать имъ совершенно иное толкованiе, но велико было значенiе самого факта, что впервые за всю войну были открыто провозглашены цѣли войны и дана была программа, на почвѣ которой могло состояться соглашенiе и, во всякомъ случаѣ, могли начаться общiе мирные переговоры.

Въ интересахъ той борьбы за всеобщiй миръ, которую вела Россiя, необходимъ былъ перерывъ въ русско-германскихъ переговорахъ и послѣднее обращенiе къ государствамъ Антанта съ предложенiемъ принять участiе въ мирныхъ переговорахъ на основѣ уже опредѣлившейся платформы.

Это было сдѣлано. Со стороны Англiи, Францiи и Америки отвѣта, прямого отвѣта не было. Косвенный отвѣтъ былъ данъ въ той критикѣ, которой во всемъ мiрѣ подвергся какъ русскiй проектъ, такъ и германскiй отвѣтъ на него.

Два пути открывались передъ россiйской революцiей; двѣ возможности были для продолженiя политики „ставки на мiровую революцiю".

Можно было апеллировать къ германскому народу, можно было доказать, что, принявъ словесно россiйскiе революцiонные принципы, германское правительство и не думаетъ отказываться отъ своихъ имперiалистическихъ плановъ и аннексiонистскихъ вожделѣнiй. Можно было доказать, что германское правительство своимъ отвѣтомъ отъ 25-го декабря попыталось обмануть свой собственный народъ *совмѣстно* съ россiйскими революцiонерами, на словахъ провозгласивъ миръ безъ аннексiй и контрибуцiй, съ признанiемъ права за народами на самоопредѣленiе, а на дѣлѣ разсчитывая провести подъ тѣмъ или инымъ соусомъ и аннексiи и контрибуцiи и, попрежнему насилуя волю и свободу не только малыхъ, но и большихъ народовъ.

Когда читалась декларацiя, провозглашающая прекращенiе войны со стороны Россiи, всѣ чувствовали, что развертывается одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ тяжелой исторической драмы. Делегаты четверного союза, очевидно, предполагали, что послѣ декларативныхъ революцiонныхъ заявленiй русская делегацiя приметъ предлагаемыя условiя мира, но когда было заявлено, что мира Россiя не подпишетъ, наступила полная растерянность.

Лозунгъ: „ни войны, ни мира“ облетѣлъ весь міръ и повсюду, кромѣ центральной Европы, былъ принятъ съ восторгомъ. Германія, повидимому, сначала не намѣрена была продолжать войны съ Россіей; оставалась полная возможность мирныхъ сношеній и комиссіонныхъ переговоровъ, возможность которыхъ учитывала и совѣтская дипломатія. Но затѣмъ въ Германіи, какъ и всегда, одержала верхъ военная партія, для которой совершенно нетерпимо было заявленіе русскихъ, что Россія возвращаетъ пахаря на его поле, рабочаго къ его станку и всѣхъ россійскихъ гражданъ къ ихъ мирнымъ занятіямъ, и которая считала необходимымъ „завоевать себѣ миръ на Востокѣ“.

Германскія полчища безъ всякаго предупрежденія двинулись на безоружную и беззащитную Россію. Въ виду указанныхъ причинъ полнаго непониманія со стороны русскаго народа, что представляетъ собою чужеземное иго,—имъ не было оказано сопротивленія. Походъ Германіи на Россію былъ скорѣе парадным маршемъ, нежели военнымъ наступленіемъ. Но результаты этого похода сказались весьма быстро: повсюду, гдѣ ступала нога германскаго солдата, вводились прежніе царистскіе порядки и разстрѣливались или вѣшались россійскіе революціонеры; у мирнаго населенія отбиралось послѣднее его достояніе и вскорѣ весь край былъ объятъ рѣзко воинственнымъ настроеніемъ на мѣсто прежняго миролюбія и вѣры въ германскій демократизмъ и свободолюбіе.

Но Россія велика; ясно было, что населеніе, живущее далеко отъ германской оккупаціи, не скоро еще пойметъ и осознаетъ всю тяжесть нѣмецкаго военнаго сапога. Если бы въ этотъ моментъ велась война съ Германіей, то заранѣе надо было бы базироваться не на Уралъ даже, но на Омскъ или Иркутскъ, заранѣе надо было бы считаться съ потерей не только Петрограда и Москвы, но и Казани и Челябинска.

Несомнѣнно, что если бы продолжена была политика, проводимая до сего, если бы послѣдовательно проводилась „ставка на міровую революцію“, то мира, Брестскаго мира, *ни въ коемъ случаѣ нельзя было принимать даже и теперь.* Германскіе пролетаріи не дрогнули, когда ихъ вели въ походъ противъ россійской революціи, они не остановились и тогда, когда имъ пришлось впослѣдствіи сыграть роль палачей украинской и финляндской свободъ. Но если бы истекающая кровью русская революція, со всѣхъ сторонъ окруженная только врагами, тѣснимая германскимъ имперіализмомъ, отступала за Уралъ и дальше, но все же не сдавалась бы; если бы въ тылу у германскихъ войскъ, какъ это можно было заранѣе предвидѣть, подымалось возстаніе разбитыхъ, но не раздавленныхъ и не униженныхъ россій-

скихъ революціонныхъ рабочихъ и крестьянъ, тогда должна была бы призадуматься даже германская армія, тогда опустился бы поднятый мечъ даже германскаго солдата, ибо тогда, наконецъ, ясно было бы, что это не война, но—революція; тогда ясно было бы, что германскую армію заставляютъ принять участіе въ *гражданской* войнѣ и въ этой войнѣ стать на сторону угнетателей противъ угнетенныхъ, эксплоататоровъ противъ эксплоатируемыхъ, капиталистовъ противъ пролетаріевъ. И если бы тогда германская армія, на половину состоящая изъ рабочихъ и, быть-можетъ, на-треть изъ соціалъ-демократовъ, не поняла своего классоваго долга, не вспомнила о своемъ красномъ знамени пролетарскаго интернаціонала,—законно было бы утвержденіе, что германскій народъ неспособенъ вообще на революціонную борьбу, что это какой-то выродокъ среди народовъ, что, наконецъ, это—рабы, не заслужившіе свободы. Но этого не могло бы быть...

Такая тактика не подкапывала Совѣтской власти внутри Россіи, ибо ненависть народная направлялась бы противъ нѣмецкихъ пришельцевъ-насильниковъ, но не противъ Совѣтскаго Правительства, подъ натискомъ врага вынуждаемаго отступать все глубже на Востокъ.

Если бы Совѣтское Правительство рискнуло вести войну съ Германіей на старыхъ основахъ и объявило всеобщую обязательную мобилизацію только-что демобилизовавшейся арміи,—это, несомнѣнно, могло бы стать очень опаснымъ и могло бы свалить Совѣтскую власть. Но объ этомъ никто не думалъ; ясно было заранѣе, что нельзя принудить воевать народъ, не желавшій войны, смертельно уставшій послѣ почти 4-лѣтней бойни, а добровольческая армія, конечно, не въ состояніи была вести правильную современную войну противъ такого серьезнаго врага, какъ Германія. Рѣчь поэтому могла итти не о продолженіи войны, но о новой *гражданской* войнѣ, *о революціи*, направленной противъ чужой власти, о *возстаніи народа* въ защиту отвоеванныхъ у своей старой власти свободъ. И это именно и было бы логическимъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ намѣченной въ Брестѣ и тамъ проводимой политики.

ДЕКРЕТЪ О МИРѢ,

принятый на засѣданіи Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

Рабочее и крестьянское Правительство, созданное революціей 24—25 октября и опирающееся на Совѣты Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, предлагаетъ всѣмъ воюющимъ народамъ и ихъ правительствамъ начать немедленно переговоры о справедливомъ демократическомъ мирѣ.

Справедливымъ или демократическимъ миромъ, котораго жаждетъ подавляющее большинство истощенныхъ, измученныхъ и истерзанныхъ войной рабочихъ и трудящихся классовъ всѣхъ воюющихъ странъ, — миромъ, котораго самымъ опредѣленнымъ и настойчивымъ образомъ требовали русскіе рабочіе и крестьяне послѣ сверженія царской монархіи, — такимъ миромъ Правительство считаетъ немедленный миръ безъ аннексій (т.-е. безъ захвата чужихъ земель, безъ насильственнаго присоединенія чужихъ народностей) и безъ контрибуцій.

Такой миръ предлагаетъ Правительство Россіи заключить всѣмъ воюющимъ народамъ немедленно, выражая готовность сдѣлать безъ малѣйшей оттяжки тотчасъ же всѣ рѣшительные шаги, впредь до окончательнаго утвержденія всѣхъ условій такого мира полномочными собраніями народныхъ представителей всѣхъ странъ и всѣхъ націй.

Подъ аннексіей или захватомъ чужихъ земель Правительство понимаетъ, сообразно правовому сознанію демократіи вообще и трудящихся классовъ въ особенности, всякое присоединеніе къ большому или сильному государству малой или слабой народности безъ точно, ясно и добровольно выраженнаго согласія и желанія этой народности, независимо отъ того, когда это насильственное присоединеніе совершено, независимо также отъ того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая въ границахъ даннаго государства нація. Независимо, наконецъ, отъ того, въ Европѣ или въ далекихъ заокеанскихъ странахъ эта нація живетъ.

Если какая бы то ни была нація удерживается въ границахъ даннаго государства насиліемъ, если ей, вопреки выраженному съ ея стороны желанію — все равно, выражено ли это желаніе въ печати, въ народныхъ собраніяхъ, въ рѣшеніяхъ партіи или возмущеніяхъ и возстаніяхъ противъ національнаго гнета—не предоставляется права свободнымъ голосованіемъ, при полномъ выводѣ войска присоединяющей или вообще болѣе сильной націи, рѣшить безъ малѣйшаго принужденія вопросъ о формахъ государственнаго существованія этой націи, то присоединеніе ея является аннексіей, т. е. захватомъ и насиліемъ.

Продолжать эту войну изъ-за того, какъ раздѣлить между сильными и богатыми націями захваченныя ими слабыя народности, Правительство считаетъ величайшимъ преступленіемъ противъ человѣчества и торжественно заявляетъ свою рѣшимость немедленно подписать условія мира, прекращающаго эту войны на указанныхъ равно справедливыхъ для всѣхъ безъ изъятія народностей условіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительство заявляетъ, что оно отнюдь не считаетъ вышеуказанныхъ условій мира ультимативными, т. е. соглашается разсмотрѣть и всякія другія условія мира, настаивая лишь на возможно болѣе быстромъ предложеніи ихъ какой бы то ни было воюющей страной и на полнѣйшей ясности, на безусловномъ исключеніи всякой двусмысленности и всякой тайны при предложеніи условій мира.

Позднѣйшее развитіе событій доказало правильность этого предположенія. Германія не удовлетворилась даже и тѣми выгодами, которыя давалъ ей Брестскій договоръ, и не считалась съ нимъ. Наступленіе на Совѣтскую Россію продолжалось, одинъ за другимъ отторгались отъ Россіи экономическіе и стратегичесніе пункты, по тѣмъ или инымъ причинамъ выгодные или необходимые имперіалистской Германіи; живое тѣло новой Россіи разрѣзалось по частямъ, и вопросъ шелъ уже не о самоопредѣленіи малыхъ народовъ, а о существованіи великаго россійскаго народа.

Политика „передышки“ и отсутствіе сильной арміи исключали возможность вооруженнаго противодѣйствія этой германской политикѣ—и войны и мира, но тѣхъ уступокъ, которыхъ можно было бы добиться отъ Германіи раньше, во время мирныхъ переговоровъ, можно было добиться и теперь дипломатическимъ путемъ и работами въ комиссіяхъ.

Политика уничтоженія Россіи по самому существу своему безсмысленна и не могла имѣть серьезныхъ сторонниковъ даже внутри самой Германіи; политика изолированія Россіи, лишенія ея выходовъ къ морямъ, замыканія въ желѣзномъ кольцѣ искусственно созданныхъ и насильственно отторгнутыхъ отъ Россіи буферныхъ государствъ, находящихся подъ вліяніемъ Германіи и постольку стоящихъ внѣ германской

имперіи, поскольку они лишены избирательнаго права въ общеимперскій рейхстагъ,—эта политика настолько близорука, что имѣетъ много серьезныхъ враговъ даже внутри самой Германіи. Мало-мальски дальновиднымъ политикамъ ясно, что нельзя уничтожать многомилліонный народъ, нельзя лишать его возможности существованія и невыгодно для Германіи создавать себѣ изъ Россіи наслѣдственнаго врага, порождать и культивировать идею реванша въ русскомъ народѣ.

Съ другой стороны, истощенная войной Германія и особенно Австрія въ сильнѣйшей мѣрѣ зависятъ отъ россійскаго сырья, и болѣе разумнымъ германскимъ и австрійскимъ промышленникамъ вполнѣ ясно, что они могутъ больше получить отъ Россіи мирнымъ путемъ, нежели военными дѣйствіями, вызывая въ Россіи всенародное возстаніе и доводя русскій народъ до такого отчаянія, когда онъ готовъ будетъ все уничтожить и превратить пол-Россіи въ пепелъ и груду развалинъ для того только, чтобы ничего не дать Германіи и Австріи.

Такіе борющіеся внутри Германіи интересы диктуютъ совѣтской дипломатіи необходимость и создаютъ возможность постоянно выбирать ту линію, которая является въ каждый данный моментъ наиболѣе выгодной для Россіи.

Стремленіе Германіи противодѣйствовать вступленію Россіи въ войну на сторонѣ Антанта и противоположное стремленіе Антанта втянуть опять Россію въ эту войну создаютъ для Совѣтскаго Правительства положеніе между двухъ огней и диктуютъ совѣтской дипломатіи необходимость лавированія на этомъ лежащемъ между огней маленькомъ пространствѣ.

Такимъ образомъ, фактическое соотношеніе міровыхъ силъ и принятая Совѣтскимъ Правительствомъ политика „передышки“ вполнѣ опредѣленно намѣчаютъ общее направленіе внѣшней политики Совѣтской Россіи во второмъ, послѣбрестскомъ періодѣ.

Но проведеніе и осуществленіе этой политики есть уже дѣло не прошлаго, а настоящаго, и объ этомъ придется говорить впослѣдствіи.

Іюнь 1918 г.

ДЕКЛАРАЦІЯ РУССКОЙ ДЕЛЕГАЦІИ ОБЪ ОСНОВАХЪ ОБЩАГО МИРА,

оглашенная 8—21 декабря 1917 года.

Россійская делегація исходитъ изъ ясно выраженной воли народовъ революціонной Россіи добиться скорѣйшаго заключенія всеобщаго демократическаго мира. Делегація полагаетъ, что единственными принципами такого мира, для всѣхъ одинаково пріемлемыми, являются принципы, выраженные въ декретѣ о мирѣ, единогласно принятомъ на Всероссійскомъ Съѣздѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и подтвержденномъ на Всероссійскомъ Крестьянскомъ Съѣздѣ.

Декретъ этотъ гласитъ: справедливымъ или демократическимъ миромъ, котораго жаждетъ подавляющее большинство истощенныхъ, измученныхъ и истерзанныхъ войною рабочихъ и трудящихся классовъ всѣхъ воюющихъ странъ,— миромъ, котораго самымъ опредѣленнымъ и настойчивымъ образомъ требовали русскіе рабочіе и крестьяне, Русское, Правительство считаетъ немедленный миръ безъ аннексій т. е. безъ захвата чужихъ земель, безъ насильственнаго присоединенія чужихъ народностей и безъ контрибуцій. Подъ аннексіей или захватомъ чужихъ земель Правительство понимаетъ, сообразно правовому сознанію демократіи вообще, и трудящихся классовъ въ особенности, всякое присоединеніе къ большому или сильному государству малой или слабой народности безъ точно, ясно и добровольно выраженнаго согласія и желанія этой народности, независимо отъ того, когда это насильственное присоединеніе совершено, независимо также отъ того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая въ границахъ даннаго государства нація, независимо, наконецъ, отъ того, въ Европѣ или въ далекихъ заокеанскихъ странахъ эта нація живетъ. Если какая бы то ни была нація удерживается въ границахъ даннаго государства насиліемъ, если ей, вопреки выраженному съ ея стороны желанію, все равно выражено ли это желаніе въ печати, въ народныхъ собраніяхъ, въ рѣшеніяхъ партій или въ возму-

щеніяхъ и въ возстаніяхъ противъ національнаго гнета, не предоставляется права, свободнымъ голосованіемъ, при полномъ выводѣ войска присоединяющей или вообще болѣе сильной націи, рѣшить безъ малѣйшаго принужденія вопросъ о формахъ государственнаго существованія этой націи, то присоединеніе ея является аннексіей или захватомъ и насиліемъ. Продолжать эту войну изъ-за того, какъ раздѣлить между сильными и богатыми націями захваченныя ими слабыя народности, Правительство считаетъ величайшимъ преступленіемъ противъ человѣчества и торжественно заявляетъ свою рѣшимость немедленно подписать условія мира, прекращающаго эту войну на указанныхъ, равно справедливыхъ для всѣхъ безъ изъятія народностей, условіяхъ.

Исходя изъ этихъ принциповъ, Россійская делегація предлагаетъ положить въ основу мирныхъ переговоровъ нижеслѣдующіе шесть пунктовъ:

Первое: не допускаются никакія насильственныя присоединенія захваченныхъ во время войны территорій. Войска, оккупирующія эти территоріи, выводятся оттуда въ кратчайшій срокъ.

Второе: возстанавливается во всей полнотѣ политическая самостоятельность тѣхъ народовъ, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены.

Третье: національнымъ группамъ, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно рѣшить вопросъ о своей принадлежности къ тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путемъ референдума. Этотъ референдумъ долженъ быть организованъ такимъ образомъ, чтобы была обезпечена полная свобода голосованія для всего населенія данной территоріи, не исключая эмигрантовъ и бѣженцевъ.

Четвертое: по отношенію къ территоріямъ, сообитаемымъ нѣсколькими національностями, права меньшинствъ ограждаются спеціальными законами, обезпечивающими имъ культурно-національную самостоятельность и, при наличности фактической къ тому возможности, административную автономію.

Пятое: ни одна изъ воюющихъ странъ не обязана платить другимъ странамъ такъ называемыхъ „военныхъ издержекъ“. Взысканныя уже контрибуціи подлежатъ возвращенію. Что касается возмѣщенія убытковъ частныхъ лицъ, то оно должно быть произведено изъ международнаго фонда.

Шестое: колоніальные вопросы рѣшаются при соблюденіи принциповъ, изложенныхъ въ пунктахъ 1, 2, 3 и 4.

Въ дополненіе къ этимъ пунктамъ русская делегація предлагаетъ договаривающимся сторонамъ признать недопусти-

мыми какія-либо косвенныя стѣсненія свободы болѣе слабыхъ націй со стороны націй болѣе сильныхъ, какъ-то: экономическій бойкотъ, подчиненіе въ хозяйственномъ отношеніи одной стороны другой, при помощи навязаннаго торговаго договора, сепаратныя таможенныя соглашенія, стѣсняющія свободу торговли третьихъ странъ, морскую блокаду, не преслѣдующую непосредственно военныхъ цѣлей.

Вотъ тѣ основные принципы, одинаково для всѣхъ пріемлемые, безъ признанія которыхъ делегація Россійской Республики не представляетъ себѣ возможности заключенія всеобщаго мира.

ОТВѢТНАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ ДЕЛЕГАЦІЙ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА,

оглашенная 12—25 декабря 1917 г.

Союзныя державы исходятъ изъ ясно выраженной воли своихъ правительствъ и народовъ какъ можно скорѣе добиться заключенія общаго справедливаго мира. Делегаціи союзниковъ, въ полномъ согласіи съ неоднократно выраженной точкой зрѣнія своихъ правительствъ, полагаютъ, что основныя положенія русской деклараціи могутъ быть положены въ основу переговоровъ о такомъ мирѣ. Делегаціи четверного союза согласны немедленно заключить общій миръ безъ насильственныхъ присоединеній и безъ контрибуцій. Онѣ присоединяются къ воззрѣнію русской делегаціи, осуждающей продолженіе войны ради чисто завоевательныхъ цѣлей. Государственные дѣятели союзныхъ правительствъ въ программахъ и заявленіяхъ неоднократно подчеркивали, что ради завоеваній союзники не продлятъ войну ни на одинъ день. Этой точки зрѣнія правительства союзниковъ все время придерживались неуклонно; они торжественно заявляютъ свою рѣшимость немедленно подписать условія мира, прекращающаго эту войну на указанныхъ, равно справедливыхъ для всѣхъ безъ изъятій воюющихъ державъ, условіяхъ. Необходимо, однако, съ полной ясностью указать на то, что предположенія русской деклараціи могли бы быть осуществлены въ томъ случаѣ, если бы всѣ причастныя къ войнѣ державы безъ исключенія и безъ оговорокъ въ соотвѣтствующій срокъ обязались точнѣйшимъ образомъ соблюдать общія для всѣхъ народовъ условія. Договаривающіяся теперь съ Россіей державы четверного союза не могутъ, конечно, связываться односторонне такими условіями, не имѣя ручательства въ томъ, что союзники Россіи признаютъ и исполнятъ эти условія честно и безъ оговорокъ по отношенію къ четверному союзу. Исходя изъ этихъ принциповъ, по поводу шести пунктовъ, предложенныхъ русской делегаціей въ видѣ основы переговоровъ, должно заявить слѣдующее:

Къ пункту 1. Въ намѣренія союзныхъ державъ не входитъ насильственное присоединеніе захваченныхъ во время войны территорій. О войскахъ, занимающихъ оккупированныя въ настоящее время территоріи, должно быть постановлено въ мирномъ договорѣ, поскольку уже раньше не будетъ достигнуто соглашеніе о выводѣ войскъ изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ.

Къ пункту 2. Въ намѣренія союзниковъ не входитъ лишеніе политической самостоятельности тѣхъ народовъ, которые утратили эту самостоятельность во время настоящей войны.

Къ пункту 3. Вопросъ о принадлежности къ тому или другому государству національныхъ группъ, не имѣющихъ политической самостоятельности, по мнѣнію державъ четверного союза, не можетъ быть рѣшенъ международно. Онъ въ данномъ случаѣ долженъ быть рѣшенъ каждымъ государствомъ вмѣстѣ съ его народами путемъ, указаннымъ конституціей.

Къ пункту 4. Равнымъ образомъ, согласно заявленіямъ государственныхъ дѣятелей четверного союза, огражденіе права меньшинствъ составляетъ существенную часть указаннаго конституціями права самоопредѣленія народовъ. Правительства союзниковъ также проводятъ въ жизнь этотъ принципъ при наличности фактической къ тому возможности.

Къ пункту 5. Союзныя державы неоднократно указывали на возможность взаимнаго отказа не только отъ возмѣщенія военныхъ издержекъ, но и отъ возмѣщенія причиненныхъ войной убытковъ. Согласно съ этимъ, каждой изъ воюющихъ державъ пришлось бы нести только расходы за своихъ подданныхъ, попавшихъ въ военный плѣнъ, а также за убытки, причиненные на собственной территоріи гражданскимъ подданнымъ противника насильственными нарушеніями международнаго права. Предложенное Русскимъ Правительствомъ созданіе особаго фонда для этихъ цѣлей можетъ быть обсуждаемо лишь въ томъ случаѣ, если другія воюющія державы примкнутъ къ мирнымъ переговорамъ до истеченія извѣстнаго срока.

Къ пункту 6. Изъ 4-хъ союзныхъ державъ одна лишь Германія владѣетъ колоніями. Со стороны германской делегаціи, въ полномъ согласіи съ русскими предложеніями, къ сему заявляется слѣдующее: Возвратъ насильственно захваченныхъ во время войны колоніальныхъ территорій составляетъ существенную часть германскихъ требованій, отъ которыхъ Германія ни въ какомъ случаѣ не можетъ отказаться. Равнымъ образомъ, германскимъ намѣреніямъ соотвѣтствуетъ русское требованіе немедленной очистки такихъ оккупированныхъ противникомъ территорій. Имѣя въ виду природу колоніальныхъ территорій Германіи, осуществленіе права на самоопредѣленіе, помимо раньше высказанныхъ принци-

піальныхъ соображеній, въ формахъ, предложенныхъ русской делегаціей, въ настоящее время представляется практически невозможнымъ. То обстоятельство, что въ германскихъ колоніяхъ туземцы, несмотря на величайшія затрудненія и на невѣроятность побѣды въ борьбѣ съ противникомъ, во много разъ болѣе сильнымъ, пользующимся неограниченнымъ подвозомъ по морю, въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ оставались вѣрны до смерти германскимъ друзьямъ, можетъ служить доказательствомъ ихъ привязанности и ихъ рѣшимости непремѣнно сохранить принадлежность къ Германіи,—доказательствомъ, своимъ значеніемъ и вѣсомъ далеко превосходящимъ какое бы то ни было изъявленіе народной воли. Предложенные русской делегаціей, въ связи съ означенными шестью пунктами, принципы хозяйственныхъ отношеній всецѣло одобряются делегаціями союзныхъ державъ, всегда уже отрицавшихъ всякое экономическое стѣсненіе и усматривающихъ въ возстановленіи урегулированныхъ хозяйственныхъ отношеній, отвѣчающихъ интересамъ всѣхъ причастныхъ народовъ, одно изъ важнѣйшихъ условій для подготовки и выработки дружественныхъ отношеній между державами, ведущими въ настоящее время войну.

РУССКАЯ ОТВѢТНАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ,

оглашенная 12—25 декабря 1917 года.

Заслушавъ отвѣтъ делегаціи Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи на свое предложеніе, Россійская делегація съ удовлетвореніемъ констатируетъ, что провозглашенные Россійской революціей принципы всеобщаго демократическаго мира безъ аннексій восприняты народами четверного союза, и что Германіи и ея союзницамъ совершенно чужды планы какихъ-либо территоріальныхъ захватовъ и завоеваній, равно какъ стремленіе уничтожать или ограничивать политическую самостоятельность какого-либо народа. Признавая все огромное значеніе этого шага впередъ на пути къ всеобщему миру, Россійская делегація не можетъ, однако же, не отмѣтить, что признаніе принципа „миръ безъ аннексій" въ отвѣтной деклараціи державъ четверного союза находитъ себѣ существенное ограниченіе въ пунктѣ 3-мъ. Отказъ отъ аннексій есть лишь логическое слѣдствіе болѣе общаго принципа, а именно: принципа самоопредѣленія національностей, т.-е. права каждой народности самостоятельно рѣшать свою судьбу. Право это существующими конституціями признается, обыкновенно, въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, если признается вообще; поэтому ссылка на обычный конституціонный путь, какъ на средство осуществленія названнаго права, фактически уничтожаетъ самый принципъ. Отказываясь отъ примѣненія права сильнаго въ отношеніи къ территоріямъ, оккупированнымъ во время настоящей войны, державы четверного союза въ то же время даютъ всѣмъ противникамъ немедленнаго всеобщаго мира основаніе утверждать, что право сильнаго, послѣ безпримѣрнаго кровопролитія, тѣмъ не менѣе, сохраняется во всей неприкосновенности внутри каждаго изъ договаривающихся государствъ.

Война, выдвинувшая вопросъ о государственномъ существованіи мелкихъ и подавленныхъ націй, не можетъ закончиться безъ того, чтобы попранныя права этихъ націй были возстановлены. Русская делегація попрежнему настаиваетъ на томъ, что эти націи должны въ самомъ текстѣ мирнаго трактата, устанавливающаго общій между всѣми воюющими миръ, получить на основахъ международнаго соглашенія гарантіи того, что ихъ законныя права будутъ ограждены.

Историческая давность ни въ коемъ случаѣ не узаконяетъ насиліе одного народа надъ другимъ.

Русская делегація съ удовлетвореніемъ констатируетъ заключающееся въ параграфѣ 5-мъ признаніе принципа „безъ контрибуцій“. Однако, Россійская делегація считаетъ необходимымъ отмѣтить, что вознагражденіе за содержаніе военно-плѣнныхъ, являясь однимъ изъ видовъ военныхъ издержекъ, можетъ на дѣлѣ превратиться въ скрытую контрибуцію.

Подтверждая, что международный фондъ долженъ быть результатомъ взаимнаго соглашенія всѣхъ воюющихъ державъ, Россійская делегація настаиваетъ на томъ, что средства этого фонда должны быть употреблены на возмѣщеніе убытковъ частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ дѣйствій.

Россійская делегація не видитъ противорѣчія съ заявленными ею принципами въ томъ, чтобы германскія колоніи, занятыя войсками воюющихъ съ Германіей державъ, были очищены этими войсками и было уничтожено введенное въ нихъ во время войны новое управленіе. Однако, Россійская делегація указываетъ, что фактъ участія какого-либо народа въ военныхъ дѣйствіяхъ отнюдь не можетъ лишить его права открытаго волеизъявленія. Трудности, могущія возникнуть при проведеніи этого принципа въ колоніяхъ, подлежатъ детальному обсужденію въ спеціально созданныхъ для этой цѣли комиссіяхъ.

Въ отвѣтъ же на заявленія Германіи и союзныхъ ей державъ о пріемлемости для нихъ основныхъ положеній русской деклараціи, какъ основы для общихъ переговоровъ о мирѣ, Россійская делегація считаетъ необходимымъ тутъ-же заявить, что она въ свою очередь, несмотря на указанныя выше разногласія, полагаетъ, что заключающееся въ деклараціи державъ четверного союза открытое заявленіе объ отсутствіи съ ихъ стороны какихъ-либо агрессивныхъ плановъ даетъ фактическую возможность немедленно приступить къ переговорамъ о всеобщемъ мирѣ между всѣми воюющими странами.

Поэтому Россійская делегація предлагаетъ 10-тидневный перерывъ—съ 12 час. ночи съ 22-го на 23-е декабря 1917 г. до 10 час. вечера 4-го января 1918 года новаго стиля,— съ тѣмъ, чтобы народы, правительства которыхъ не примкнули еще къ ведущимся переговорамъ о всеобщемъ мирѣ, имѣли возможность достаточно ознакомиться съ устанавливаемыми нынѣ принципами таковаго мира. По истеченіи указаннаго срока переговоры должны быть возстановлены независимо отъ того, присоединятся ли къ переговорамъ другія воюющія державы и въ какомъ числѣ.

РУССКАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ,

оглашенная 10 февраля 1918 года.

Наступилъ часъ рѣшенія. Народы ждутъ съ нетерпѣніемъ результатовъ мирныхъ переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ. Народы спрашиваютъ себя, — будетъ ли имѣть конецъ это безпримѣрное самоистребленіе человѣчества, вызванное своекорыстіемъ и властолюбіемъ правящихъ классовъ всѣхъ странъ? Война давно перестала быть для обоихъ лагерей,— если вообще была,—оборонительной войной. Когда Великобританія завладѣваетъ африканскими колоніями, Багдадомъ и Іерусалимомъ, то это не оборонительная война, и когда Германія оккупируетъ Сербію, Бельгію, Польшу, Литву и Румынію и захватываетъ Моонзундскіе острова, то это не оборонительная война. Это борьба за раздѣлъ міра. Теперь это яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Въ этой чисто имперіалистической войнѣ, гдѣ притязанія имущихъ классовъ явно и открыто оплачиваются человѣческой кровью, мы не хотимъ болѣе принимать участія. Мы съ одинаковой непримиримостью относимся къ имперіализму обоихъ лагерей, и мы не согласны проливать дальше кровь нашихъ солдатъ въ защиту интересовъ одного лагеря противъ другого.

Въ ожиданіи того, мы надѣемся, близкаго часа, когда угнетенные, трудящіеся классы всѣхъ странъ возьмутъ въ свои руки власть, какъ это сдѣлалъ рабочій народъ Россіи, мы выводимъ нашу армію и нашъ народъ изъ войны. Нашъ солдатъ - пахарь долженъ вернуться на пашню, чтобы уже этой весной мирно обрабатывать землю, которую революція изъ рукъ помѣщика передала въ руки крестьянина.

Нашъ солдатъ-рабочій долженъ вернуться въ мастерскую, чтобы производить тамъ не орудія разрушенія, а орудія созиданія, и, совмѣстно съ пахаремъ, строить новое соціалистическое хозяйство.

Мы выходимъ изъ войны. Мы извѣщаемъ объ этомъ всѣ народы и ихъ правительства. Мы отдаемъ приказъ о полной демобилизаціи всѣхъ армій, противостоящихъ нынѣ войскамъ

Германіи, Австро-Венгріи, Турціи, Болгаріи. Мы ждемъ и твердо вѣримъ, что другіе народы скоро послѣдуютъ нашему примѣру.

Въ то же время мы заявляемъ, что условія, предложенныя намъ правительствами Германіи и Австро-Венгріи, въ корнѣ противорѣчатъ интересамъ всѣхъ народовъ. Эти условія отвергаются трудящимися классами всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и Австро-Венгріи и Германіи. Народы Польши, Украйны, Литвы, Курляндіи и Эстляндіи считаютъ эти условія насиліемъ надъ своей волей. По отношенію къ русскому народу, эти условія означаютъ постоянную угрозу. Народныя массы всего міра, руководимыя политическимъ сознаніемъ или нравственнымъ инстинктомъ, отвергаютъ эти условія. Въ ожиданіи того дня, когда трудящіеся всѣхъ странъ установятъ свои собственныя нормы мирнаго сожительства и дружескаго сотрудничества народовъ, мы отказываемся санкціонировать тѣ условія, которыя германскій и австро-венгерскій имперіализмъ мечемъ пишетъ на тѣлѣ живыхъ народовъ Мы не можемъ поставить подписи русской революціи подъ условіями, которыя несутъ съ собою гнетъ, горе и ожесточеніе милліоновъ человѣческихъ существъ.

Правительства Германіи и Австро-Венгріи хотятъ владѣть землями и народами по праву военнаго захвата. Пусть они творятъ свое дѣло открыто. Мы не можемъ освящать насилія. Мы выходимъ изъ войны, но вынуждены отказаться отъ подписанія мирнаго договора. Въ связи съ этимъ мы передаемъ объединеннымъ делегаціямъ слѣдующее письменное и подписанное заявленіе:

„Именемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Правительства Россійской Федеративной Республики, настоящимъ доводимъ до свѣдѣнія правительствъ и народовъ воюющихъ съ нами, союзныхъ и нейтральныхъ странъ, что, отказываясь отъ подписанія аннексіонистскаго договора, Россія объявляетъ съ своей стороны состояніе войны съ Германіей, Австро-Венгріей, Турціей и Болгаріей прекращеннымъ.

Россійскимъ войскамъ отдается одновременно приказъ о полной демобилизаціи по всѣмъ линіямъ фронта".

ДЕКЛАРАЦІЯ,

оглашенная Русской Мирной Делегаціей на засѣданіи 3 марта.

Передъ подписаніемъ мирнаго договора.

Рабочее и Крестьянское Правительство Россійской Республики, нападеніемъ германскихъ войскъ на заявившую о прекращеніи войны и демобилизовавшую свои арміи Россію, вынужденное принять предъявленный Германіей ультиматумъ, заявило объ этомъ 24 февраля и делегировало насъ для подписанія этихъ насильственно навязываемыхъ намъ условій.

Бывшіе до сихъ поръ въ Брестъ-Литовскѣ переговоры между Россіей, съ одной стороны, и Германіей и ея союзниками съ другой—достаточно наглядно и ясно для всѣхъ показали, что такъ-называемый германскими представителями „миръ соглашенія" въ дѣйствительности является миромъ опредѣленно аннексіонистскимъ и имперіалистскимъ. Теперь брестскія условія еще значительно ухудшены. Миръ, который нынѣ заключается здѣсь въ Брестъ-Литовскѣ, не есть миръ, основанный на свободномъ соглашеніи народовъ Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи. Это - миръ, который продиктованъ съ оружіемъ въ рукахъ. Это—миръ, который, стиснувъ зубы, должна принять революціонная Россія. Это—миръ, который, подъ предлогомъ „освобожденія" россійскихъ окраинъ, на дѣлѣ превращаетъ ихъ въ нѣмецкія провинціи и лишаетъ ихъ права на свободное самоопредѣленіе, признанное за ними рабочимъ и крестьянскимъ правительствомъ революціонной Россіи. Это—миръ, который подъ предлогомъ возстановленія порядка оказываетъ въ этихъ областяхъ вооруженную поддержку угнетающимъ классамъ противъ трудящихся и помогаетъ вновь возложить на эти послѣдніе ярмо угнетенія, сброшенное русской революціей. Это—миръ, который возвращаетъ землю помѣщикамъ и вновь гонитъ въ кабалу рабочихъ къ фабрикантамъ и заводчикамъ. Это—миръ, который надолго навязываетъ трудовому народу Россіи въ еще болѣе ухудшенномъ видѣ старый торговый договоръ, заключенный въ 1904 г. въ интересахъ герман-

скихъ аграріевъ, и въ то же время обезпечиваетъ германской и австро-венгерской буржуазіи уплату процентовъ по обязательствамъ царскаго правительства, отъ которыхъ отказалась Революціонная Россія. Наконецъ, какъ бы для вящшаго подчеркиванія ярко классоваго характера германскаго вооруженнаго натиска, германскій ультиматумъ пытается зажать ротъ русской революціи, запрещая агитацію, направленную противъ державъ четвернаго союза и ихъ военныхъ властей.

Но этого мало. Все подъ тѣмъ же предлогомъ водворенія порядка Германія силой оружія занимаетъ области, населенныя чисто русскимъ населеніемъ, и устанавливаетъ тамъ режимъ военной оккупаціи и возвращенія къ до-революціоннымъ порядкамъ. На Украинѣ и Финляндіи Германія требуетъ невмѣшательства революціонной Россіи, въ то же самое время активно выступая тамъ на поддержку контръ-революціонныхъ силъ противъ революціонныхъ рабочихъ и крестьянъ. На Кавказѣ, въ прямое нарушеніе формулированныхъ самимъ же германскимъ правительствомъ въ ультиматумѣ отъ 21 февраля условій, Германія отторгаетъ въ пользу Турціи ни разу не бывшія завоеванными во время войны турецкими войсками области Ардагана, Карса и Батума, внѣ всякаго сообразованія съ подлинной волей населенія этихъ областей.

Самые откровенные и насильственные территоріальные захваты, овладѣніе важнѣйшими стратегическими пунктами, могущіе имѣть одну только цѣль—подготовку новаго наступленія на Россію и защиты капиталистическихъ интересовъ противъ рабочей и крестьянской революціи,—вотъ истинныя цѣли, которымъ служитъ наступленіе германскихъ войскъ, предпринятое 18 февраля безъ 7-дневнаго предупрежденія, обусловленнаго договоромъ о перемиріи, заключеннымъ между Россіей и державами четвернаго союза 15 декабря 1917 г.

Это наступленіе не было остановлено, несмотря на заявленіе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ о принятіи имъ условій, формулированныхъ въ германскомъ ультиматумѣ отъ 21 февраля. Это наступленіе не было остановлено, несмотря на возобновленіе работъ мирной конференціи въ Брестъ-Литовскѣ и на оффиціальный протестъ, заявленный русской делегаціей. Тѣмъ самымъ всѣ условія мира, предложенныя Германіей и ея союзниками, превращаются цѣликомъ въ ультиматумъ, предъявленный Россіи и поддерживаемый со стороны составителей этого мирнаго договора угрозой непосредственнаго, вооруженнаго насилія.

Но при создавшемся положеніи Россія не имѣетъ возможности выбора. Демобилизовавъ свои войска, Русская Революція такимъ образомъ передала свою судьбу въ руки германскаго народа.

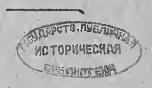
Русская делегація въ Брестъ-Литовскѣ въ свое время открыто заявила, что ни одинъ честный человѣкъ не повѣ-

ритъ, будто война противъ Россіи можетъ быть теперь оборонительной. Германія перешла въ наступленіе. Подъ лозунгомъ установленія порядка, но въ дѣйствительности—для удушенія Россійской Рабоче-Крестьянской Революціи, въ интересахъ мірового имперіализма, германскому милитаризму въ настоящее время удалось двинуть войска свои противъ рабочихъ и крестьянскихъ массъ Россійской Соціалистической Республики. Германскій пролетаріатъ оказался еще не въ силахъ остановить этотъ натискъ. Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что это торжество имперіализма и милитаризма при международной пролетарской революціи окажется лишь временнымъ и преходящимъ.

Въ нынѣшнихъ условіяхъ Совѣтское Правительство Россійской Республики, предоставленное только своимъ собственнымъ силамъ, не можетъ противостоять вооруженному наступленію германскаго имперіализма и, во имя спасенія революціонной Россіи, вынуждено принять предъявленныя ему требованія.

Мы уполномочены нашимъ Правительствомъ подписать мирный договоръ. Вынужденные, несмотря на заявленный нами протестъ, вести переговоры въ совершенно исключительной обстановкѣ военныхъ дѣйствій, не встрѣчающихъ противодѣйствія съ русской стороны, мы не можемъ подвергать дальнѣйшему разстрѣлу отказавшихся отъ продолженія войны русскихъ рабочихъ и крестьянъ.

Мы открыто заявляемъ передъ лицомъ рабочихъ, крестьянъ и солдатъ Россіи и Германіи, передъ лицомъ трудящихся и эксплоатируемыхъ классовъ всего міра, что мы принуждены принять продиктованный намъ болѣе сильной въ настоящее время стороной ультиматумъ и подписываемъ немедленно предъявленный намъ ультимативный мирный договоръ, отказываясь отъ всякаго его обсужденія.

Издательство Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Сов. С., С., К. и К. Депутатовъ.

Поступили въ продажу:

1. — В. Ульяновъ (Н. Ленинъ). Краткая біографія. 10 к.
2. Я. Буровъ. Что означаетъ законъ о свободѣ совѣсти. 25 к.
3. М. Павловичъ. Брестскій миръ и задач. экономич. возрожденія Россіи. 2 р.
4. М. Павловичъ. Итоги міровой войны. 2 р. 50 к.
5. М. Павловичъ. Міровая война и борьба за черный континентъ. 2 р.
6. Либкнехтъ. Пауки и мухи. 15 к.
7. В. Карпинскій. Какъ тульскій мужикъ уму-разуму научился. 40 к.
8. Ем. Ярославскій. Отецъ и сынъ. (Вильгельмъ Либкнехтъ и Карлъ Либкнехтъ). 10 к.
9. Ем. Ярославскій. Фр. Энгельсъ и Карлъ Марксъ. 10 к.
10. Г. Плехановъ. Основные вопросы марксизма. 1 р. 50 к.
11. Н. Ленинъ. Очередныя задачи Совѣтской власти. 50 к.
12. Н. Ленинъ. Борьба за хлѣбъ. 60 к.
13. Г. Зиновьевъ. Контръ-революція и задачи рабоч. 25 к.
14. В. Блосъ. Исторія великой франц. революціи. 4 р. 50 к.
15. А. Арну. Народная исторія Парижской Коммуны. 2 р. 50 к.
16. К. Каутскій. Экономич. ученіе К. Маркса. 2 р.
17. Ф. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. 1 р. 20 к.
18. Д. Бѣдный. О попѣ Панкратѣ, о теткѣ Домнѣ и о явленной иконѣ. 1 р.
19. Е. Ярославскій. Августъ Бебель. 10 к.
20. Ф. Энгельсъ. Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ. 50 к
21. В. Карпинскій. Въ походъ противъ царя-голода. 40 к.
22. В. Карпинскій. Съ кѣмъ же вы, крестьяне? 10 к.
23. Л. Сосновскій. Весь хлѣбъ всему народу. 40 к.
24. Г. Устиновъ. Меньшевики, правые эсеры и контръ-революція. 40 к.
25. Е. Преображенскій. Нужна ли хлѣбная монополія? 10 к.
26. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи, 50 коп.
27. Н. Бухаринъ. Церковь и школа въ Совѣтской Республикѣ. 15 к.
28. К. Цеткинъ. Борьба за свободу и миръ въ Россіи. 15 к.
29. Л. Петровичъ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь. 15 к.
30. Конституція (основной законъ) Рос. Соц. Федерат. Совѣтской Республики. 20 к.
31. Н. Антоновъ. Карлъ I, Людовикъ XVI, Николай II. 15 к.
32. А. Коллонтай. Работница-мать. 20 к.
33. А. Бебель. Христіанство и соціализмъ. 25 к.
34. А. Луначарскій. Культурныя задачи рабочаго класса. 20 к.
35. В. Керженцевъ. Революціонная Ирландія. 5 руб.
36. Фр. Мерингъ. Въ эпоху войны и краха Интернаціонала.
37. Фр. Мерингъ. Исторія Германской соціалъ-демократіи. Въ 4-хъ томахъ.
38. Л. Троцкій. Жанъ Жоресъ. 20 к.
39. А. Арну. Мертвецы Коммуны. 20 к.
40. Г. Устиновъ. Крушеніе партіи лѣвыхъ эсеровъ. 30 к.
41. А. Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ. 50 к.
42. Б. Свидерскій. Трудъ и капиталъ. 50 к.

43. I. Мархлевскій. Что такое полит. экономія и чему она учитъ. 40 к.
44. П. Лафаргъ. Патріотизмъ буржуазіи. 25 к.
45. Фр. Мерингъ. Карлъ Марксъ.
46. Н. Бухаринъ. Всеобщая дѣлежка или коммунист. производство. 10 к.
47. М. Суматохинъ. Давайте жить коммуной. 40 к.
48. I. Быкъ. Медицина и Совѣтская власть. 50 к.
49. Д. Бѣдный. Отцы духовные. 1 р.
50. Д. Бѣдный. Сказки-складки про старые порядки. 1 р. 50 к.
51. Д. Бѣдный. Коммунистич. марсельеза. 10 к.
52. К. Левинъ. Послѣдній русскій царь Николай II. 50 к.
53. М. Копколь. Коммуна 1871 года. 25 к.
54. К. Каутскій. Классовые интересы. 25 к.
55. В. Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. 60 к.
56. В. П. Милютинъ. Современ. эконом. разв. Россіи и диктатура пролетаріата. 1 р. 50 к.
57. К. Каутскій. Эрфуртская программа. 3 р.
58. В. Керженцевъ. Борьба за землю и волю въ Ирландіи (2-е изд.). 80 коп.
59. Коммунисты Запада о Совѣтской Россіи. 60 к.
60. Э. Беллами. Сказка о водѣ. 15 к.
61. I. Штернъ. Историческій матеріализмъ. 15 к.
62. I. Штернъ. Теорія прибавочной цѣнности К. Маркса. 15 к.
63. П. Орловскій. Возникновеніе рабочаго класса. 15 к.
64. П. Лафаргъ. Поклоненіе золоту. 25 к.
65. Э. Вандервельде. Парижская Коммуна. 20 к.
66. Викентьевъ. Какъ французы добывали себѣ свободу.
67. П. Лафаргъ. Проданный аппетитъ. 25 к.
68. В. Либкнехтъ. Мартовскіе дни 1848 и 1871 г.г. 25 к.
69. В. Карпинскій. Что такое Совѣтская власть. 50 к.
70. Г. Плехановъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію.
71. Скифъ. Международная политика Совѣтской власти. 60 к.
72. В. Карпинскій. Миръ или война.
73. Кальверъ. Соціалъ-демократія и христіанство.
74. К. Марксъ. Наемный трудъ и капиталъ.
75. К. Цеткинъ. Женщина и ея экономическое положеніе.
76. Грейлихъ. Матеріалистическое пониманіе исторіи. 50 к.
77. В. Либкнехтъ. Революція въ Парижѣ. 25 к.
78. С. Даниловъ. Черное воинство.
79. К. Каутскій. Соціальная революція.
80. К. Каутскій. На другой день послѣ соціальной революціи.
81. К. Марксъ. Заработная плата, цѣна и прибыль.
82. Фр. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ.
83. К. Марксъ. Нищета философіи.

Издательство Вс. Ц. И. К. Москва, Тверская, 11.